

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2023.78.27.007

Романтическое представление либеральной демократии и «вырождение политического»

Ломако Леонид Леонидович

Старший преподаватель кафедры теории и методологии науки,
Белгородский государственный технологический университет,
308012, Российская Федерация, Белгород, ул. Костюкова, 46;
e-mail: parmenid@bk.ru

Аннотация

Представление либеральной представительной демократии в горизонте господствующей в современном общественном сознании либеральной версии экономической парадигмы политического необходимо определяет ее *характеристики*: во-первых, условием *действительности* демократии является «вырождение политического», – политика *становится* «управлением интересами»; во-вторых, условием *безопасности* является «внеисторичность» демократии, – исключение *события* как *возможности*. Таким образом, «провоцирующий» тезис о «конце истории» Ф. Фукуямы приобретает *достоверность*. Представительная демократия, *генетически* и, по сути, является *романтической*; современная демократия сохраняет свою суть, становясь *постмодернистской* (Ф.Р. Анкерсмит). Способом представления демократии является *эстетическая* и *историческая* репрезентация; ее *действительность* должна пониматься по аналогии с «произведением искусства»; научная теория в этом смысле обретает свой *предмет* (политическое и демократию) в *политическом нарративе*, выстроенном в горизонте основоположений либерализма как «последовательной метафизики» (К. Шмитт): *преимущественное значение* для понимания демократии имеют *изображения*, наблюдение *характерных черт*, а не *теории*.

Для цитирования в научных исследованиях

Ломако Л.Л. Романтическое представление либеральной демократии и «вырождение политического» // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 7А. С. 81-91. DOI: 10.34670/AR.2023.78.27.007

Ключевые слова

Представление политического, политическая репрезентация, демократия, экономическая парадигма политического, «либеральная метафизика», эстетическая политика, романтизм и постмодернизм, событие.

Введение

Когда в конце 80-х годов XX века Ф. Фукуяма сформулировал свой тезис о «конце истории» [Фукуяма, 2010], он был не вполне понят; более того, большинство полагало сказанное «провоцирующим преувеличением», очень далеким от «наблюдаемых реалий». Однако, если вспомнить контекст, в котором высказанное положение обретает свое значение, то следует признать: это было максимально точным определением действительности политического порядка, представленного в либеральной версии экономической парадигмы политического [Агамбен, 2019]. И дело даже не в той демонстративной связи, связывающей тезис Фукуямы с рассуждениями Гегеля о переходе мировой истории во всемирную, – либеральная представительная демократия по существу «внеисторична», и, если согласиться с тем, что она «победила» (разумеется, речь идет о *принципе*, а не о *факте*; о *реальности понятия* и в гораздо меньшей степени – о *действительности*), то вывод Фукуямы *очевиден*, имеет высшую из возможных степень *достоверности*. История (здесь уместно вспомнить различие М. Хайдеггером собственно *истории* и внеисторичной бесконечной длительности, «повторением того же самого», того, что представлено в историографии, как ее определял Хайдеггер [Хайдеггер, 2018, 39]) состоит из *событий*, – именно того, что *необходимо* и абсолютно *отсутствует* в современной демократии. Это – не вывод ее критиков и противников, которых всегда было достаточно и проницательность которых трудно поставить под сомнение, при всем благожелательном или даже восторженном отношении к демократии как «наилучшей политической форме»; это – необходимый вывод из *представления демократии*, которое, в свою очередь, по утверждению Ф.Р. Анкерсмита [Анкерсмит, 2012; 2014], способно схватить ее *суть* и одновременно *предоставить какие-то гарантии ее действительности* за «спасение демократии» – «сверхзадача» эстетической политики и эстетической политической философии Анкерсмита [Мальцев, Мальцева, 2022], – не будучи представленной *таким образом* демократия *обречена*. Но названное *представление* предполагает, что само *политическое* должно *перестать быть как таковое*: политика становится *управлением интересами* (ничем не отличается от «управления большим предприятием», по словам М. Вебера [Вебер, 2016, 262]) и *систематически редуцируется*, как на это указывал К. Шмитт [Шмитт, Понятие..., 2016], в *экономической логике*, то есть – в экономической парадигме политического, или, как определил М. Фуко, в *управленческой парадигме* [Фуко, 2011], универсально определяющей «социальную» и «политическую» действительность с конца XVIII века. Задачей настоящего рассуждения является *демонстрация необходимости* «вырождения политического» в политическом строе западной либеральной представительной демократии и *доказательство* того, что вместе с политическим *необходимо* деградирует/вырождается сама демократия. Анкерсмит претендует на то, что в его концепции эстетической политики и эстетической философии такая необходимость может быть *нивелирована*, а связь между «вырождением политического» и «вырождением демократии» можно, таким образом, *разорвать*, – анализ приводимых им аргументов также является задачей, которую мы ставим в этой статье.

Либеральное представление политического

Шмитт первым указал, что либерализм следует рассматривать как «последовательную метафизическую систему» [Шмитт, Духовно-историческое..., 2016, 129]; для нас в этой связи имеют значение два обстоятельства: во-первых, как метафизическая система, либерализм

включает в себя *основоположения*, которые не предполагают доказательств и *принимаются как непосредственно очевидные*, задающие *порядок, направление* последующих утверждений (в том числе научных) и обеспечивающих их *достоверность*; во-вторых, такая система является *горизонтом представления*, то есть единства *реального* и *действительного*, которое *наличествует* в таком представлении (Шмитт в этой связи писал о «метафизических понятиях» и о *мифе*). Наш *философский интерес* необходимо должен быть доведен до обнаружения/выявления этого уровня представления политического (и демократии), то есть необходимо *касается* «мифа демократии».

Сутью метафизической системы либерализма Шмитт полагает «бесконечную дискуссию», нацеленную на достижение *баланса*; редукция к *экономическому* («экономический принцип реальности») является необходимым условием и следствием (так бывает всякий раз, когда речь ведется об основоположениях, «взаимно поддерживающих» друг друга), обеспечивающим возможность дискуссии и исчисления баланса; Шмитт пишет: «Исключительно систематическим образом либеральное мышление обходит или игнорирует государство и политику и вместо того движется меж типических, снова и снова повторяющихся полюсов двух гетерогенных сфер, а именно, этики и хозяйства, духа и гешефта, образования и владения собственностью» [Шмитт, Понятие..., 2016, 348], – Шмитт подчеркивает, что все «либеральные понятия типическим образом колеблются между этикой («духовностью») и экономикой (гешефтом)» [Шмитт, Понятие..., 2016, 349]. Далее, предполагается определенная *антропология*: *новоевропейский субъект* (об этом писал и Хайдеггер) *вполне расположен* к тому, чтобы быть представленным как «хomo экономикус», то есть как «субъект интересов», и полностью, «без остатка» *свестись* к действительности такого субъекта.

Баланс интересов как *задача* предполагает понимание политики как *управления: успех*, вычисленный по схеме «прибыль – издержки», задает *принцип рациональности*; принципиальный отказ от истины в пользу *компромисса* («организация истины», как пишет Анкерсмит) есть *характерный* признак либерального представления политического; результатом свободной публичной дискуссии «должна было стать не что иное, как сама истина и справедливость» [Шмитт, Духовно-историческое..., 2016, 144]. Политика определяется в связи с *конкуренцией* интересов, гармонизация которых, повторим, есть ее цель и принцип ее разумности; «из свободы договора, свободы торговли, свободы ремесел сами собой получаются социальная гармония интересов и наибольшее возможное изобилие» [Шмитт, Духовно-историческое..., 2016, 129]. Из «политически объединенного народа получается, по одну сторону, культурно заинтересованная публика, а по другую – частью производственный и рабочий персонал, частью же – масса потребителей» [Шмитт, Понятие..., 2016, 349].

Итак, Шмитт утверждает: «Самым важным случаем автономизации предметной области оказалась самостоятельность норм и законов экономического, реализовавшаяся с неколебимой уверенностью. Что производство и потребление, ценообразование и рынок имеют свою собственную сферу и не могут управляться ни этикой, ни эстетикой, ни религией, а менее всего – политикой, – было одной из немногих не дискутируемых, несомненных догм этой либеральной эпохи» [Шмитт, Понятие..., 2016, 350].

Самое главное, что утрачивается – это *возможность решения* [Мальцев, Мальцева, Еще к истолкованию..., 2021]; на месте суверена теперь – «пустое место». Однако в этом кроется определенная опасность: такое политическое необходимо предполагает «держаться середины» (это, как мы увидим, считается у Анкерсмита «императивом демократии»), любое «отклонение» грозит *существованию* политического порядка; демократии по ее существу предписано

«избегать крайностей». Единственным способом здесь и является «не допускать событий», то есть – исключить саму возможность истории; а для этого – одновременно исключить все то, что может такое *событие* вызвать/спровоцировать, – любой *вызов* должен быть *нивелирован*: представлен как *серия мелких экономических* (обязательная и естественная для либерализма редукция) вопросов, предполагающих *техническое решение*. В области теории также следует избегать обсуждения *принципиальных вопросов*, но акцентироваться на *процедурных и технических*.

Вопрос в том, как это *оценивать*: если Шмитт в этой связи пишет о *вырождении*, то Анкерсмит настаивает, что это – именно *достижение*; следует иметь в виду, что достоверность оценки также задается *принятой/господствующей парадигмой*.

Историческое представление политического и эстетическая политика

Любопытно именно то, что озабоченный «спасением демократии», которой «мы все привержены», и экзистенциальные угрозы для которой должны быть устранены как раз эстетической политикой, Анкерсмит *по существу* вполне согласен со всеми принципиальными выводами, которые делает К. Шмитт (он неоднократно вспоминает Шмитта в связи со своими рассуждениями, хотя оценка при этом дается «амбивалентная», – разумеется, современный либеральный автор не может публично не разделять *оценок* шмиттовской «позиции», обязательных для либеральной метафизики, политической философии и идеологии; при этом Анкерсмит указывает, что «по глубине работ» «Шмитту в XX веке едва ли можно найти равных» [Анкерсмит, 2014, 154]). Однако в концептуальной схеме, предложенной Анкерсмитом, названные выше *характерные черты* либерального политического и его *исключительной легитимной политической формы* – представительной рыночной демократии, квалифицируются (вполне обоснованно, как мы увидим) как *достоинства*.

Согласно Анкерсмицу, при представлении политического следует отказаться от привычного для «фундаменталистской стоицистской» политической философии, господствующей на Западе, *натурализма*: в первую очередь, политическое не есть *вещь*, «объективно существующая», но *возникает* в процессе репрезентации. Анкерсмит полагает, что лучше всего здесь помогает аналогия с эстетической и исторической репрезентациями. Эстетический предмет, разумеется, имеет «прототип» («натуру»), однако он, во-первых, «больше» своего прототипа (например, «по смыслу»); во-вторых, для него существенна *перспектива*, в которой он создается/конструируется; эстетический предмет *вполне самостоятелен* по отношению к своему «прототипу», имеет собственную *действительность*. Еще ближе к политике аналогия с историописанием. Историческая реальность возникает в результате ее *изображения*, причем «точка зрения» здесь подлинно конститутивна; Анкерсмит в «Нарративной логике» [Анкерсмит, 2003] подробно разбирает вопрос *сравнимости* исторических нарративов, выявляет критерии предпочтения одного другому (например, «полнота», «охват»), – политическая реальность, утверждает Анкерсмит, также перспективна и ее *действительность* следует понимать также, как действительность исторического нарратива.

Из сказанного можно сделать много заключений (что и делает Анкерсмит), важнейшим из которых для нас являются утверждения, что, во-первых, именно демократия является самой *последовательной* и *обоснованной* формой политической действительности; во-вторых, политическая власть «никому не принадлежит», возникает в «разрыве», имеет своим «местом»

между двумя обязательными репрезентациями, вместе образующими *политическое*: репрезентацией народа и репрезентацией властителя (поскольку он любит ссылаться на Макиавелли, то первоначально это формулируется именно таким образом; «властитель» может быть «заменен» в соответствии с логикой демократии); в-третьих, следует отказаться от «фикции народного суверенитета»: демократия не связана «волей народа» как «всеобщей волей» (все равно, понимать ли ее «по Гоббсу», или «по Руссо»).

Многое в сути демократии, по Анкерсмит, объясняет ее происхождение; это – изначально «романтическая» политическая форма; она наиболее подходит к постмодернистской современности, поскольку романтизм и постмодернизм *существенно схожи*. Демократия возникла в условиях *принципиальной непримиримости* многих сторон конфликта после революционных событий во Франции; попытки сохранить мир заставили искать *компромисс*, выносящий за скобки *антагонизмы*: конфликты, которые могли стать *экзистенциальными*, не стали такими именно благодаря *политической форме демократии*, демонстративно «игнорирующей» *любые принципы*. Для этого нужно, чтобы *высшей целью для всех* стало достижение *собственного благополучия* («обогащайтесь» как не просто лозунг, но политическая программа и даже принцип либеральной политической философии); «идеологический конфликт» был лишен собственно *политического аспекта* (хотя для этого пришлось пережить *серию революций*). Мы видели, что *ситуация* полностью соответствовала тому, что описывалось нами выше как *либеральная метафизика*: это во многом способствовало успеху и последующей устойчивости *либерального политического порядка*, – каждая политическая форма создается для конкретной ситуации и нацелена на решение основных *действительных* конфликтов; демократия не была исключением, и неповторимая «конstellация» исторических обстоятельств удивительно, как мы сказали, *совместилась* с определенной, либеральной, метафизикой и идеологией (разумеется, для этого были предпосылки; например, выявленные М. Фуко при анализе генезиса западной управленческой парадигмы, – но мы вправе уклониться от обсуждения этого вопроса, как не имеющего *прямого* отношения к теме нашего рассуждения). Что касается «романтичности» демократии, то Анкерсмит прибегает к многочисленным «отсылкам» на «романтическое понимание политики», кстати, поразительно «сближаясь» в своих суждениях на этот счет с К. Шмиттом, только с «изменением оценки» с отрицательной на положительную. Романтический субъект и романтическая политика – принципиально фрагментарны и «ситуативны», здесь нет «центра» (центром является «пустое место»), осуществляется свободное, вне каких бы то ни было «принципиальных ограничений» и «моральных оценок», комбинирование, наиболее соответствующее ситуации и нацеленное на «успех/славу» *художника*. Анкерсмит вспоминает в этой связи «романтика Шлегеля», у которого «эстетика фрагмента становится философской антропологией» [Анкерсмит, 2014, 181] и проводит аналогию с Р. Рорти [Рорти, 1996], для которого самость «лишена центра», является «исторически случайной сетью верований, желаний и эмоций, за которой ничего нет» [Анкерсмит, 2014, 182], то есть представляет собой «коллаж, бессвязную смесь более или менее самостоятельных фрагментов» [там же]. То есть «самость есть стиль». Но это есть «точка зрения» постмодернизма; по Анкерсмит, постмодернизм только «более последователен» и «избегает компромиссов», с которыми «мирился романтизм» [там же, 174], что, кстати, способствует также и «углублению/укоренению» демократии, созданию «постмодернистской демократии», в которой «фрагментация и централизация создали политическую практику» [там же, 197]

Эстетически и исторически репрезентированное политическое предполагает, что

«феномены» этой области действительности следует представлять как своего рода «эстетические предметы»; Анкерсмит неоднократно подчеркивает, что «теория демократии невозможна и не нужна», что демократия должна «представляться или изображаться» [там же, 396], – но при этом «практика либеральной демократии превосходна» [там же, 225], и следует *обеспечить условия* ее действительности. Главным условием здесь называется «банализация политики»: если раньше «политический предмет» присутствовал *явно* (вместе с *конфликтом*), то для демократии характерно «исчезновение политического предмета» [там же, 109], «политический предмет стал присутствовать негативно» [там же, 109], целерациональная политическая деятельность утратила свою рациональность вследствие «растворения всех действий в облаке непреднамеренных последствий» [там же, 28].

Целью демократической политики является, по Анкерсмицу, «лишь сделать жизнь граждан как можно более удобной» [там же, 163]. Для этого следует, чтобы «большие и фундаментальные политические вопросы рассыпались на мириады мелких точных вопросов, связанных с самыми практическими и приземленными проблемами» [там же, 161]. Эта «тенденция» только продолжилась и усилилась до того, что в наше время «политические проблемы в итоге превращаются в задачи такого рода, которые решают страховые компании» [там же, 231], а «когда политические решения все-таки принимаются, кажется, будто они просто «случаются» (подобно капризам погоды), вместо того чтобы рождаться в ходе публичных политических дебатов» [там же]. Собственно, устранена сами «область» и «субъект» политического решения.

В либеральном политическом порядке впервые можно уверенно констатировать «триумф экономики над всеми иными альтернативными основаниями политической власти» [Анкерсмит, 2012, 224], господство «экономического принципа», который Анкерсмит характеризует так: «Редкой улыбкой фортуны демократическому государству, столь же желанной, сколь и неожиданной, было то, что эти незначительные детали образуют большую потенциальную область политического действия, одновременно менее спорную и гораздо более влиятельную, чем те вопросы, на которых предпочитали фокусироваться предыдущие политические системы» [Анкерсмит, 2014, 139], Анкерсмит видит, что «демократическое государство делает все возможное, чтобы удержать политический спор в области экономических и финансовых вопросов» и «в действительности экономическую политику и любовь демократического государства к управленческим деталям объединяет нечто большее, нежели избирательное сродство» [там же]. Здесь правит парадигматическое единство либеральной версии экономической парадигмы политического. Прежнее «государство – земной бог» превратилось «в государство – страховую компанию» [там же, 226]. Государство, «преобразовав почти всю политику в политику экономическую, сумело добиться «преображения» проблем той же гостиницей (или *oikos*), придав им поистине всемирно-историческое значение и сделав их достойными внимания государства» [там же].

«Растворение» политического в *технических проблемах управления* есть одновременно и *стиль*, и *суть* демократии, – но это необходимо при «эстетическом» представлении политического: стиль *становится сутью*. Здесь выявляется второй из названных нами аспектов того, что мы назвали «вырождением политического»: *внеисторичность демократии*. Анкерсмит настаивает на том, что демократия предоставила истории определенную, невиданную ранее, «свободу»: она «открыта к изменениям» и сама «постоянно меняется» («антиметафизическая западная парламентская демократия, бесконечно более открытая для исторических изменений» [там же, 88]). Однако суть именно в том, какие изменения можно

считать историческими, а какие представляют собой калейдоскопические колебания всегда «того же самого». Хайдеггер [Хайдеггер, 2018] писал, что современность есть «бесконечно длящееся», не имеющее «собственного конца», «неспособное к смерти», а поэтому «бессущностное», «количественное» «состояние». Демократия, утверждает Анкерсмит, по своей природе есть «ироническое общество», которое больше «не вдохновляется желанием выполнить некое историческое, освободительное предназначение» [Анкерсмит, 2014, 278]; отказавшись от «предназначения» и иронически относясь к прежним «великим метанарративам» (Агамбен продемонстрировал это простым вопросом: «Ради чего?» [Агамбен, 2019]), современная демократия «сворачивает» «возможные варианты будущего в настоящее – или, по крайней мере, действовать так, как если бы это было возможно» [Анкерсмит, 2014, 279]. Анкерсмит полагает верным описанием Токвиля (которого он считает непревзойденным наблюдателем демократии), что демократия «спасается от анархии» тем, что «способна создавать упорядоченный беспорядок»; демократия консервативна в том смысле, что способна «сводить новое к аспектам старого» [там же, 359], в демократии происходит «вращение вокруг своей оси» [там же, 360], которая при этом не может быть определена иначе, как пустота. Анкерсмит пишет: «Метафора Токвиля предполагает, что, хотя в демократии все находится в непрерывном движении, последнее осуществляется вокруг статичного центра. Другими словами, центр интересен именно своей неактивностью и в конечном счете своим отсутствием» [там же, 183]. Политика «колеблется, вращается в постоянном «круговом движении», избегая центра, который мог бы организовать это движение и наделить его историческим значением» [там же, 363]. Сам Анкерсмит признает, что «историку демократических времен демократия представляется зрелищем бесконечного и беспокойного варьирования определенного количества практически неизменных принципов, поэтому в ней отсутствуют признаки подлинного исторического изменения» [там же, 375]. Он считает это достижением: выбор между «просто бесконечным варьированием принципов, привязывающих нас к вечному настоящему» и революцией, для Анкерсмита очевиден, а демократия обеспечивает прочность и окончательность такого выбора. Демократия, таким образом, существенно вне-исторична. Но для того, чтобы быть таковой, ее политической задачей является нормализация, то есть ни при каких условиях не переступать границы, «не впадать в крайности», – то есть *исключить событие из своей действительности*.

Анкерсмит видит здесь не только «достоинства», но и определенную «уязвимость»: возникающая для решения конфликтов, современная демократия может оказаться неподготовленной для решения проблем, связанных с современностью. Эти проблемы, утверждает Анкерсмит, уже не связаны с социальным конфликтом, но «в равной степени затрагивают всех»: он, в качестве примера, указывает на «экологические проблемы» (далее – на «транспортные», – этот пример мы приводим в первую очередь для того, чтобы проиллюстрировать *новый* «предмет политики»): «Проблемы, связанные с реальностью, которая имеет свои истоки и независимое существование вне демократии и вне реальности, порожденной самой демократией, трудно будет решать средствами демократии» [там же, 185]. Анкерсмит предполагает, что «проблемы такого рода можно ввести в механизм демократического принятия решений только после перевода их на язык демократической саморепрезентации, и можно ожидать, что многое будет утрачено в процессе такого перевода» [там же].

Однако, есть и «другие проблемы», которым Анкерсмит уделяет гораздо меньше внимания. Порядок, представленный в либеральной экономической парадигмы, универсальный и

глобальный по *своему понятию*, является таковым в действительности только *потенциально* [Мальцев, Мальцева, Ломако, 2020], – при этом *граница* между «внутренним» и «внешним» не может быть проведена (и не должна: «демократическая политика», утверждает Анкерсмит, принципиально *стирает* границу между частным и публичным, когда последовательно осуществляется «верховенство экономического принципа»). «Области аномии» (на это указывает, например, Дж. Агамбен) множатся и, объединяясь, грозят «покрыть» всю действительность, что при исключении суверена и суверенного решения может стать *необратимым*. Для демократии, таким образом, *характерна* перманентная «внутренняя война» (этот вывод делают, например, М. Хардт и А. Негри [Хардт, Негри, 2004]) [Мальцев, Мальцева, Биополитическое..., 2021; Мальцев, Мальцева, Ломако, 2021]. Возможность *не допустить* этого прямо увязываются Анкерсмитом с *необходимостью обеспечить* «вырождение политического» и «внеисторичность демократии», исключив любые «субстанциальности» [например: Ломако, Мальцев, 2021] (первая и главная – «воля народа» и «народный суверенитет»: Анкерсмит является последовательным противником любых форм «прямой демократии», если они становятся *политическими*) из демократической действительности.

Заключение

Анкерсмит приходит к парадоксальному, с точки зрения господствующей до настоящего времени политической философии, выводу: политическая свобода, которой мы пользуемся в либеральной представительной демократии, *обеспечивается* «вырождением политического» и «внеисторическим» характером этой демократии, – аргументы, которые он приводит, *имеют значение* в горизонте либеральной версии экономической парадигмы политического и с *необходимостью* «выводятся» из основоположений «либеральной метафизики». Тезис о «конце истории» Ф. Фукуямы получает не просто *подтверждение*, он *достоверен* в указанном контексте. Разумеется, выявление «философских оснований» для представления политического не является *признанной научной практикой*: дисциплинарно организованная современная наука старается избегать любых «метафизических фантазий»; в этом с ней солидарна и современная философия, ставящая целью встроиться в дисциплинарную структуру науки [Жданова, Мальцев, 2020], и, тем самым, отказываясь от своей сути. Это обстоятельство также «вписывается» в господствующую парадигму: М. Хайдеггер, например, уже в 30-е годы XX века утверждал: «Простейшее философское познание в эпоху завершеного Нового времени – это знание, что и почему философия должна была сделаться невозможной и для этой эпохи остается ненужной» [Хайдеггер, 2018, 431]. Однако, как утверждает Анкерсмит, демократия как раз характеризуется *признанием* множества *перспектив* и *точек зрения*; в этой связи одна из них, представленная в данной статье, может также считаться *имеющей значение*.

Библиография

1. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М., 2019. 552 с.
2. Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
3. Анкерсмит Ф.Р. Политическая репрезентация. М., 2012. 288 с.
4. Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М., 2014. 432 с.
5. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии в 4 т. М., 2016. Т. 1. Социология. 445 с.
6. Жданова И.В., Мальцев К.Г. «Самооправдание философии»: «междисциплинарность» как способ «встроиться» в «дисциплинарную структуру» современной науки // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 5. С. 126-

133.

7. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. «Культурные особенности»: политизация, деполитизация и глобальный порядок // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 485-490.
8. Мальцев К.Г., Мальцева А.В. Биополитическое производство жизни и «новая война»: опыт философского истолкования // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 4. С. 86-94.
9. Мальцев К.Г., Мальцева А.В. Еще к истолкованию «децизионизма к. Шмитта» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 3. С. 216-229.
10. Мальцев К.Г., Мальцева А.В. Кризис суверенного государства-нации и «рациональная дискуссия»: либеральный дискурс «спасения» демократии и «общего блага» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12. № 1. С. 193-208.
11. Мальцев К.Г., Мальцева А.В., Ломако Л.Л. Глобализация и вестернизация: горизонты «отождествления» и «различения» // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 5. С. 106-114.
12. Мальцев К.Г., Мальцева А.В., Ломако Л.Л. Дискурсы новой «гибридной» войны: содержание и критика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 123-134.
13. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 280 с.
14. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
15. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М: АСТ: Полиграфиздат, 2010. 588 с.
16. Хайдеггер М. Размышления VII-XI (Черные тетради 1938-1939). М., 2018. 528 с.
17. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
18. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93-170.
19. Шмитт К. Понятие политического // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280-408.

Romantic representation of liberal democracy and the “degeneration of the political”

Leonid L. Lomako

Senior Lecturer,
Department of Theory and Methodology of Science,
Belgorod State Technological University,
308012, 46, Kostyukova str., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: parmenid@bk.ru

Abstract

F.R. Ankersmith argues that Western liberal representative democracy owes its emergence to the need to resolve a specific antagonism: the inability to “reconcile” the fundamental differences between the various political forces after a series of revolutions in France, but the consciousness of the imperative: to preserve civil peace required a change in the presentation of the policy, which should exclude the “struggle for principles” in favor of solving technical issues of managing particular interests; the welfare of citizens should become the task of politics, and its former “public subject” should be hidden and, as a task, excluded altogether. The new conception of the political is essentially both liberal and romantic. The foundation of liberal metaphysics: the complete resolution of the political in interests on the basis of the “economic principle of reality”, paradigmatically determines the form and content of the representation of the political. Democracy appears to be a “work of art”, which can be understood not theoretically, but through observation and the depiction of characteristic features. Liberal representative democracy as the only legitimate form of the liberal political order, correctly presented, ensures a stable existence precisely as a political form, the

characteristic features of which are “principled unscrupulousness”, systematic reduction of the political to technical and procedural issues of governance, substantial “anti-fundamentalism”.

For citation

Lomako L.L. (2023) Romanticheskoe predstavlenie liberal'noi demokratii i «vyrozhdenie politicheskogo» [Romantic representation of liberal democracy and the “degeneration of the political”]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (7A), pp. 81-91. DOI: 10.34670/AR.2023.78.27.007

Keywords

Representation of the political, political representation, democracy, economic paradigm of the political, liberal metaphysics, aesthetic politics, romanticism and postmodernism, event.

References

1. Agamben J. (2019) *Tsarstvo i slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniya* [The kingdom and the glory. To the theological genealogy of Economics and Management]. Moscow.
2. Ankersmith F.R. (2003) *Narrativnaya logika. Semanticheskii analiz yazyka istorikov* [Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians]. Moscow: Idea-Press Publ.
3. Ankersmith F.R. (2012) *Politicheskaya reprezentatsiya* [Political representation]. Moscow.
4. Ankersmith F.R. (2014) *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti* [Aesthetic policy. Political Philosophy beyond fact and value]. Moscow.
5. Foucault M. (2011) *Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977-1978 uchebnom godu* [Security, territory, population. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1977-1978 academic year]. St. Petersburg: Nauka Publ.
6. Fukuyama F. (2010) *Konets istorii i poslednii chelovek* [The end of history and the last man]. Moscow: Polygraphizdat Publ.
7. Heidegger M. (2018) *Razmyshleniya VII-XI (Chernye tetradi 1938-1939)* [Reflections VII-XI (Black notebooks 1938-1939)]. Moscow.
8. Khardt M., Negri A. (2004) *Imperiya* [Empire]. Moscow: Praxis Press Publ.
9. Lomako L.L., Mal'tsev K.G. (2021) «Kul'turnye osobennosti»: politizatsiya, depolitizatsiya i global'nyi poryadok [«Cultural peculiarities»: politicization, depoliticization and global order]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 3 (154), pp. 485-490.
10. Mal'tsev K.G., Mal'tseva A.V. (2021) Biopoliticheskoe proizvodstvo zhizni i «novaya voyna»: opyt filosofskogo istolkovaniya [Biopolitical production of life and the «new war»: the experience of philosophical interpretation]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intelligence. Innovation. Investment], 4, pp. 86-94.
11. Mal'tsev K.G., Mal'tseva A.V. (2021) Eshche k istolkovaniyu «detsizionizma k. Shmitta» [More to the interpretation of «K. Schmitt's decizionism»]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Economics. Sociology. Management], 11, 3, pp. 216-229.
12. Mal'tsev K.G., Mal'tseva A.V. (2022) Krizis suverenno gosudarstva-natsii i «ratsional'naya diskussiya»: liberal'nyi diskurs «spaseniya» demokratii i «obshchego blaga» [The crisis of a sovereign nation-state and «rational discussion»: liberal discourse of the «salvation» of democracy and the «common good»]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* [Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management], 12, 1, pp. 193-208.
13. Mal'tsev K.G., Mal'tseva A.V., Lomako L.L. (2020) Globalizatsiya i vesternizatsiya: gorizonty «otozhdestvleniya» i «razlicheniya» [Globalization and Westernization: horizons of «identification» and «distinction»]. *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences], 10, 5, pp. 106-114.
14. Mal'tsev K.G., Mal'tseva A.V., Lomako L.L. (2021) Diskursy novoi «gibridnoi» voiny: sodержanie i kritika [Discourses of a new «hybrid» war: content and criticism]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law], 11, 4, pp. 123-134.
15. Rorty R. (1996) *Sluchainost', ironiya i solidarnost'* [Chance, irony and solidarity]. Moscow.
16. Schmitt K. (2016) Dukhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennogo parlamentarizma [The spiritual and historical state of modern parliamentarism]. In: *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg: Nauka Publ.
17. Schmitt K. (2016) Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. In: *Ponyatie politicheskogo* [The concept of

-
- the political]. St. Petersburg: Nauka Publ.
18. Weber M. (2016) *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii v 4 t.* [Economy and society: essays of understanding sociology in 4 vols.]. Moscow. Vol. 1.
 19. Zhdanova I.V., Mal'tsev K.G. (2020) «Samoopravdanie filosofii»: «mezhdistsiplinarnost'» kak sposob «vstroit'sya» v «distsiplinarnuyu strukturu» sovremennoi nauki [«Self-justification of philosophy»: «interdisciplinarity» as a way to «integrate» into the «disciplinary structure» of modern science]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intelligence. Innovation. Investment], 5, pp. 126-133.